IV. СМѢСЬ.

Московскія записки.

(Сообщенная статья.)

Нѣсколько дней сряду торжествовали мы славную эпоху; и картина сего великаго торжества, столь далекаго отъ обыкновенныхъ праздниковъ, не загладится долго въ памяти нашей и въ памяти нашихъ дѣтей.

День 13го Апрѣля былъ для Москвы первымъ вѣстникомъ всеобщей радости. Курьеръ, пріѣхавшій изъ С. Петербурга, привезъ полученное черезъ Берлинъ извѣстіе о занятіи Парижа. Ревностное Начальство спѣшило обрадовать народъ симъ извѣстіемъ. Въ мигъ разнеслась молва: вмигъ одинъ радостный вопль: *Парижъ взятъ!* загремѣлъ изъ конца въ конецъ обширнаго города. Но вѣнцемъ нашей радости былъ прекрасный день 17го Апрѣля, когда Графъ Васильевъ, какъ Геній, летящій съ трубою славы, принесъ Москвѣ торжественную вѣсть побѣды отъ имени МОНАРХА. Народъ

бѣжалъ, кареты скакали, — казалось, что вся Москва летѣла на встрѣчу Царскаго посланника внимать изъ устъ его повѣствованїю славы. Но скоро Московскїй Начальникъ удовлетворилъ общему нетерпѣнїю сообщенїемъ любопытныхъ подробностей о покоренїи столицы Францїи.

23го Апрѣля, въ день, освященный лучезарнѣйшимъ солнцемъ, Московскїе жители стекаются въ Кремль, чтобы принесть благодаренїе во храмѣ Бога Боговъ и Царя Царей. Звонъ колоколовъ, пѣснь торжественнаго молебствїя, толпы радостнаго народа, покрывающаго Кремлевскую площадь, стеченїе Чиновниковъ, Дворянъ и купцовъ, молящихся во храмѣ и на паперти, живая радость, написанная на всѣхъ лицахъ, изъ устъ въ уста перелетающее имя Великаго Избавителя Европы — все представляло величественную картину, которая плѣняла взоры и трогала сердца. Но когда громъ пушекъ потрясъ воздухъ въ стѣнахъ Кремлевскихъ, гласъ Отечества снова закипѣлъ въ сердцѣ вѣрныхъ сыновъ его, — и толпы народа, какъ быстрыя волны, приведенныя въ движенїе, волновались на площади отъ сердечнаго восторга, при громкихъ восклицанїяхъ радости. Наконецъ всѣ возвратились домой, чтобы говорить, радоваться и удивляться произшествїямъ времени.

Три дни сряду торжественный звонъ не умолкалъ въ Столицѣ; три вечера сряду яркое освѣщеніе города удаляло ночную темноту и привлекало толпы народа. Жители гуляли по улицамъ и веселились ночью, какъ днемъ. Прозрачныя картины аллегорическія, эмблемы, девизы, надписи въ честь и славу Монарха, гремящая во многихъ мѣстахъ музыка, стихи пѣтые хорами пѣвчихъ, тысяча экипажей обтекающихъ городъ, — представляли волшебное зрѣлище. Никогда радость не была живѣе и признательность подданныхъ къ ихъ Государю справедливѣе!

Московское Дворянство, движимое общею радостію и тронутое новыми благодѣяніями, ему оказанными Монархомъ во время его безпокойства и заботы о спасеніи Европы (*), праздновало въ одно время щедроты и побѣды Государя великолѣпнымъ баломъ, даннымъ 24 го Апрѣля, на который приглашены были многіе члены имянитаго купечества. Господинъ Главнокомандующій, Графъ Ѳедоръ Васильевичь Растопчинъ, присутсвовалъ на балѣ и раздѣлялъ общее веселье. Громкій оркестръ музыки и хоръ пѣвчихъ повторяли Польскій, сочиненный на случай торжества;

(*) Извѣстно, что Государь прислалъ на изправленіе дома Благороднаго Собранія 150,000 рублей.

Вѣсть громчайшая несется
На крылахъ съ береговъ Невы;
Радость нова въ души льется
Къ оживленію Москвы.
Всемогущею десницей
Богъ помогъ, о Россы! вамъ:
Врагъ поверженъ и съ столицей
КЪ АЛЕКСАНДРОВЫМЪ стопамъ!

. . . .

. . . .

. . . .

Ужь колѣна преклоняютъ
Всѣ народы предъ ТОБОЙ!
Съ громкимъ плескомъ возклицаютъ:
Россовъ ЦАРЬ есть Богъ земной!

. . . .

. . . .

Въ торжествахъ, въ вѣнцахъ лавровыхъ
Зримъ Монахра и Отца;
ТЫ въ восторгахъ узришь новыхъ,
Россовъ пламенны сердца!

Московскій Императорскій Университетъ, сей храмъ искусствъ и наукъ, принесъ въ свою очередь дань хвалы и благодарности дѣламъ Великаго Монарха. Онъ имѣлъ торжественное Собраніе 25го Апрѣля. Прекрасная музыка открыла засѣданіе Музъ; потомъ Г. Профессоръ Тимковскій говорилъ изящную Рѣчь въ честь Избавителя народовъ. Пѣтые хоромъ куплеты изъявляли общее чувство сердецъ. Г. Профессоръ Н. Н. Сандуновъ заключилъ собраніе чтеніемъ превосходной Оды, сочиненной Госпо-

диномъ Попечителемъ на занятіе Парижа. Такимъ образомъ Московскія Музы исполнили долгъ свой передъ Отцемъ Отечества!

На другой вечеръ Московскіе Именитые Граждане давали въ домѣ Степана Степановича Апраксина великолѣпный маскерадъ какъ для купечества, такъ и для Дворянства. Какъ пріятно было видѣть Рускій нарядъ! всѣ дамы были въ богатыхъ сарафанахъ. Очарованному воображенію казалось, что тѣни древнихъ Бояръ Рускихъ воскресли, и что молодыя красавицы изъ уединенныхъ теремовъ своихъ перенеслись на театръ нашихъ блестящихъ увеселеній.

Наконецъ 26го числа П. А. Позняковъ угощалъ Москву маскерадомъ. Хоръ гремѣлъ и пѣлъ:

Богъ и слава съ нами, съ нами!
Вѣстникъ къ намъ ЦАРЕВЪ доспѣлъ:
Орлими махнувъ крылами,
Россъ въ вѣнцахъ въ Парижъ взлетѣлъ. —

. . . .

Древность! больше не гордися
Славою твоихъ времянъ;
Уступи и удивися
Новой славѣ Россіянъ.

. . . .

Возвратись Спаситель-Геній!
Ангелъ кроткій и Герой! и проч.

Посѣтители сего маскерада замѣтили съ удовольствіемъ аллегорическую картину, выставленную въ залѣ. На быстрыхъ ко-

нихъ мчится колесница; Геніи управляютъ ею; АЛЕКСАНДРЪ въ порфирѣ стоитъ на колесницѣ и Минерва вѣнчаетъ ЕГО лаврами. Подъ колесами лежитъ чудовище уже безглавое; сзади море и Меркурій; у колесницы окованная Европа представлена въ видѣ женщины, и Донской козакъ снимаетъ съ нее цѣпи. Геній означаетъ рѣзцомъ тотъ день, въ который столица Франціи приняла своего Побѣдителя. Впереди видны Парижскія башни. Жители бросаютъ шляпы и сыплютъ цвѣты въ знакъ благодарности къ ихъ Избавителю; матери ведутъ къ нему дѣтей; другіе обнимаютъ его колѣна. Слава гремитъ трубою и развѣваетъ знамя съ надписью:

. . . .

. . . .

ТЫ чудо изъ чудесъ подъ солнцемъ совершилъ, —
ТЫ міру цѣлому свободу возвратилъ.

Праздники кончились, а сердца наши не перестаютъ еще праздновать великій день для Отечества, и великіе подвиги нашего Отца - МОНАРХА.

Араповъ.

III. СМѢСЬ.

Московскїя записки.

(*Сообщено.*)

10 Мая артисты Императорскаго Московскаго Театра давали концертѣ вѣ домѣ С. С. Апраксина. Пѣтое трїо: *Кто бѣднымъ милости творитъ*, заслуживаетѣ особенное вниманїе при нынѣшнихѣ обстоятельствахѣ. Слова и музыка прїятны. Прїятно и то, что господа артисты не забываютѣ прежнихѣ арїй изѣ *Русалки*, которыя столько лѣтѣ занимали Публику, смѣшили зрителей и достовляли удовольствїе. Пѣсня: *Милый мой сердечный другъ*, и кѣ ней придѣланный хорѣ: *Юность! юность! веселися!* были искусно выражены пѣвицею, Г-жею Насовою. Вторая пѣсня *къ Царю-Батюшкѣ: Понесись по подъ небесью птица* и проч. принесли великое удовольствїе. Пѣнїемѣ управлялѣ Г. Керцелли, а музыкою Г. Морини. Вообще концертѣ заслужилѣ одобренїе.

13 Мая П. А. Позняковъ соединилъ безцѣнный даръ благотворенія съ пріятностями общественныхъ забавъ. Данный спектакль въ пользу воиновъ, раненыхъ подъ стѣнами Парижа, обращалъ на себя вниманіе не столько игрою лицъ, сколько пользою и цѣлью спектакля. Благодарность ожидаетъ Благотворителя; но онъ ее не требуетъ; Рускому свойственно только великодушіе; удовольствіе благотворить есть лучшая его награда. Въ комедіи *Подложный кладъ* многія сцены занимали пріятно публику. Во второй піэсѣ: *Оборотни, или споръ до слезъ, а объ закладъ не бейся*, актриса, представлявшая сестру Угрюмина, привлекла вниманіе, и заслужила похвалу. Когда она пѣла арію на торжественное шествіе АЛЕКСАНДРА въ Парижъ, многіе плѣнялись талантомъ актрисы; но всѣ радовались особливо благотворительнымъ намѣреніемъ хозяина; и я, выходя изъ театра, твердилъ съ безсмертнымъ нашимъ Поэтомъ:

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

19 Мая общество Благородныхъ людей, ревностное къ славѣ Отечества и дѣламъ своего Монарха, торжествовало великую

эпоху особеннымъ праздникомъ (*) въ домѣ Г. Полтарацкаго, у Калужскихъ воротъ. Народныя увеселенія начались съ 4 часа послѣ обѣда. Для народа были качели, карусели, балансеры, ташеншпилеры и пѣсельники при громкой игрѣ военной музыки. Передъ вечеромъ яркое освѣщеніе сада и потѣшные огни въ томъ же саду представили блестящее зрѣлище. Изъ печатной программы сего праздника извѣстны аллегорическіе предметы иллюминацїи. По съѣздѣ посѣтителей и посѣтительницъ и по прибытіи Господина Главнокомандующаго въ домъ сего собранія, въ 9 часовъ открылась сцена; и на ней былъ представленъ прологъ — Мелодрамма, *храмъ безсмертія*, въ трехъ лицахъ, съ хоромъ Европейскихъ народовъ. Россія, въ отсутствіи своего МОНАРХА, молитъ Небо о возвращеніи Отца Отечества; къ ней является радостная Европа, освобожденная Россійскимъ Государемъ; за нею въ слѣдъ идетъ Слава и возвѣщаетъ дѣла МОНАРХА. Вдругъ открывается сіяющій храмъ безсмертія, въ которомъ видѣнъ Бюстъ Императора. Россія преклоняетъ колѣно; всѣ Европейскіе народы окружаютъ

(*) Мы не видали сего праздника; но не сомнѣваемся, чтобы всѣ его черты не были вѣрны и точны, хотя онѣ описаны молодымъ человѣкомъ. *В. И.*

священный Образъ; Слава вѣнчаетъ его лаврами.

Три Благородныя Дамы представляли аллегорическія лица Россіи, Европы и Славы. Россія превосходила всякое описаніе: ея Царской величавости соотвѣтствовали богатыя украшенія; блескъ ея алмазовъ ослѣплялъ зрѣніе, а выраженіе чувство.

Къ Нему моя любовь
О Боже! ясно доказалась:
Лилась Россіи кровь
И грудь моя нещадно раздиралась.
Смерть зрѣла я моихъ сыновъ;
Но врагъ не наложилъ оковъ:
Къ Царю я вѣрной пребывала,
На брань младыхъ и старцевъ созывала,
И жертвуя собой,
Лишь слезы я лила, но не роптала.

Эти стихи были произнесены со всею чувствительностію признательной Россіи къ своему МОНАРХУ. Европа имѣла достоинство выразить свое щастіе, свою радость; а въ лицѣ Славы видѣли мы образъ сей богини. Все рукоплескало. Плескъ не умолкалъ въ продолженіе всего пролога.

Праздникъ заключился великолѣпнымъ баломъ и ужиномъ; и танцы продолжались до 4 часовъ утра.

Араповъ.